

Великій Князь Николай Михайловичъ.

Императоръ Александръ I.

Опытъ историческаго изслѣдованія ¹⁾.

III.

Борьба съ Наполеономъ 1812—1815.

Въ главѣ, посвященной великой борьбѣ Александра I съ Наполеономъ, мы не находимъ подробнаго описанія хода военныхъ дѣйствій и всѣхъ перипетій, ознаменовавшихъ собою достопамятные 1812—1815 годы; авторъ изслѣдованія задался главнымъ образомъ цѣлью изобразить душевное состояніе, которое привело Александра къ рѣшимости начать войну съ бывшимъ союзникомъ и выяснить, насколько Императоръ имѣлъ вліяніе на самый способъ веденія войны и на ходъ военныхъ событій.

„Александръ Павловичъ настойчиво заявлялъ всѣмъ и каждому, что онъ ни за что первый не откроетъ враждебныхъ дѣйствій противъ Наполеона; эта настойчивость объясняется вполне созрѣвшимъ у него въ головѣ планомъ борьбы, приготовленія къ которой начались уже съ 1810 г.

„Послѣ заключенія союзнаго договора со Швеціей Александръ сблизился съ шведскимъ наслѣднымъ принцемъ Бернадоттомъ, и между ними завязалась оживленная переписка. Именно Бернадоттъ первый указалъ русскому Государю на способъ веденія войны съ Наполеономъ—избѣгать сраженій и стараться втягивать полчища

¹⁾ См. „Русская Старина“, октябрь 1912 г.

врага все болѣе въ глубь страны“. Того же мнѣнія держался нѣмецъ Фуль, перешедшій на русскую службу въ 1806 г.

„Эта идея нашла поддержку въ средѣ многихъ изъ нашихъ генераловъ, въ особенности въ осторожномъ Барклаѣ“.

Авторъ особенно подчеркиваетъ то обстоятельство, что послѣ Тильзита въ характерѣ Императора Александра произошелъ первый замѣтный переломъ, и съ тѣхъ поръ его поступки и рѣшенія стали болѣе обдуманъ; переломъ этотъ, „замѣтный для насъ“, прибавляетъ авторъ, „былъ скрытъ отъ большинства его современниковъ и скрытъ нарочно, обдуманно, съ замѣчательной послѣдовательностью и настойчивостью“.

„Обращаемъ вниманіе на удивительное письмо Государя изъ Эрфурта, отъ 25 августа 1808 г., къ его матушкѣ, Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ. Вотъ тѣ мѣста этого письма, которыя заслуживаютъ быть отмѣченными:

„...Моментъ, выбранный для свиданія, именно таковъ, что налагаетъ на меня обязанность не избѣгать его. *Наши интересы послѣдняго времени заставили насъ заключить тѣсный союзъ съ Франціей; мы сдѣлаемъ все, чтобы доказать ей искренность и благородство нашего образа дѣйствій...*

„...Мы спокойно увидимъ его паденіе, если на то воля Провидѣнія, и болѣе чѣмъ правдоподобно, что государства Европы, уставъ отъ бѣдствій, которымъ они подвергались такое долгое время, и не подумаютъ начинать борьбы съ Россіей изъ мести за то только, что она была союзницей Наполеона въ то время, когда каждое изъ нихъ стремилось къ тому же... Если Провидѣніе опредѣлило паденіе этого колоссальнаго государства, сомнѣваюсь въ томъ, чтобы оно могло быть внезапнымъ, но даже, если это произойдетъ вдругъ, было бы благоразумнѣе *подождать* этого паденія и тогда только принять мѣры. Таково мое мнѣніе...

„Въ моемъ политическомъ поведеніи я могу только слѣдовать указаніямъ *моей совѣсти*, моему *главному убѣжденію*, моему желанію, которое меня никогда не покидаетъ,—быть полезнымъ отечеству“.

„Слѣдовательно, еще осенью 1808 года Александръ совершенно ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ предпринятыхъ имъ дѣйствіяхъ. Нужно было еще разъ укрѣпить, хоть наружно, союзныя отношенія съ Наполеономъ, усыпить его, а самому только готовиться и наблюдать, когда настанетъ та желанная минута, что союзникъ его окажется зрѣлымъ для крушенія своего могущества и славы.

„Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что Государь велъ строго обдуманную линію; интересъ, проявленный въ Тильзитѣ къ

личности Наполеона, давно остылъ, тутъ исчезло „любопытство“ видѣть и говорить съ Бонапартомъ, а явилось опредѣленное желаніе обойти и сломать мощь непрощеннаго союзника, и онъ сталъ постепенно готовиться къ борьбѣ съ нимъ“.

Въ то время какъ Императоръ Александръ Павловичъ былъ твердо увѣренъ въ неизбежности войны и постепенно готовился къ ней, общественное мнѣніе Россіи критиковало дѣятельность Государя и правительства. Союзъ съ Наполеономъ „никогда не былъ популяренъ; вторичная поѣздка въ Эрфуртъ еще болѣе подверглась нареканіямъ, а когда послѣ 1809 года обнаружались первыя недоразумѣнія между союзными императорами, то критика еще усилилась. Упрекали за мнимое легкомысліе не одного Александра Павловича, но и его ближайшихъ сотрудниковъ“, обвиняли ихъ въ измѣнѣ, въ желаніи болѣе соблюдать интересы Франціи, чѣмъ Россіи.

„1809 годъ далъ блестящія доказательства политики Александра; открылъ глаза Австріи на истинныя намѣренія русскаго Императора и разочаровалъ во многомъ Наполеона, не ждавшаго такой двойной игры. Это разочарованіе шло послѣдовательно отъ Шенбрунскаго мирнаго договора до отказа отъ руки русской Великой Княжны, и только тогда Наполеонъ созналъ свои ошибки и круто перемѣнилъ тактику. Но было уже поздно“.

Готовясь къ войнѣ и стараясь обезпечить себѣ содѣйствіе союзниковъ, Александръ Павловичъ дѣлалъ въ то же время видъ, „что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго желанія затѣвать ее“, и этимъ долго вводилъ въ обманъ французскаго посла.

6/18 мая Наполеонъ отправилъ своего адъютанта Нарбонна къ Александру, чтобы еще разъ склонить его къ миру. „Я никогда первый не подниму меча“, повторилъ посланному Императоръ, „и буду ждать васъ на моей границѣ“; указавъ на лежащую на столѣ карту, Государь сказалъ Нарбонну:

„Если Наполеонъ будетъ воевать, и счастье ему улыбнется вопреки справедливымъ цѣлямъ, преслѣдуемымъ русскими, ему придется подписывать мирныя условія у Берингова пролива“. Эти слова показываютъ, что въ умѣ Александра уже былъ намѣченъ выполненный впоследствии планъ—завести непріятели въ глубь страны.

Узнавъ, что императоръ французовъ перешелъ Нѣманъ, Александръ послалъ ему письмо съ г.-ад. Балашовымъ, въ которомъ писалъ, что ежели Наполеонъ согласится увести свои силы съ русской территоріи, то онъ будетъ считать какъ будто ничего этого не было. Въ противномъ случаѣ, „я клянусь честью не вести болѣе мирныхъ переговоровъ до тѣхъ поръ, пока Россія будетъ окончательно очищена отъ присутствія непріятели“.

„Въ устахъ Александра первая часть письма звучала фальшиво, такъ какъ онъ отлично зналъ и понималъ, что Наполеону поздно было перемѣнять рѣшеніе; что же касается второй части,—она дышала достоинствомъ и величіемъ“.

8 (20) апрѣля Государь выѣхалъ въ Вильну съ многочисленной свитой.

„Онъ былъ окруженъ самой пестрой толпой ненавистниковъ Наполеона... Тутъ были Румянцевъ, Кочубей, Аракчеевъ, Балашовъ, Шишковъ, Армфельдъ; затѣмъ копошились обиженные Бонапартомъ нѣмцы, какъ Штейнъ и Фуль, съ другими нѣмцами, носившими русскіе мундиры, какъ Беннигсенъ, Дибичъ и Толь; потомъ всякіе англичане, шведы, италіанцы, приверженцы разныхъ павшихъ Бурбоновъ, въ родѣ Вильсона, Паулуччи, Мишо и Сенъ-При. Всѣ горѣли нетерпѣніемъ, при помощи *русскихъ* штыковъ, сразить владычество тирана, сына великой революціи, давали совѣты, вмѣшивались во все и только тормозили работу. Истинно русскіе войны скорбѣли и негодовали, чему служитъ нагляднымъ доказательствомъ переписка Багратіона, Ермолова, Д. Давыдова, Раевского и другихъ“.

Проѣхавъ изъ Вильны въ укрѣпленный лагерь у Дриссы, Государь, внявъ совѣту нѣкоторыхъ лицъ, рѣшился покинуть армию и направиться въ Москву.

„Недѣльное пребываніе Государя въ Первопрестольной столицѣ оставило глубокое впечатлѣніе не только на жителяхъ Москвы, но и на самомъ Государѣ, только тогда сознавшемъ всю мощь русскаго народа, на которую онъ часто возлагалъ надежды, но которой не всегда вѣрилъ. Отнынѣ восторженное настроеніе Александра шло, повышаясь съ каждымъ днемъ; послѣдовало что-то въ родѣ божественнаго откровенія, и душа его всецѣло отдалась Провидѣнію, завѣты котораго ему открылись, и сердце повелителя Россіи, его умъ, его помышленія стали какъ бы даромъ небесъ; то, что прежде было покрыто мракомъ, теперь прояснилось, благодаря благословенію Всевышняго. По крайней мѣрѣ, Александръ Павловичъ именно такъ объяснялъ себѣ это настроеніе и впоследствии неоднократно говорилъ и писалъ о душевномъ переворотѣ, происшедшемъ съ нимъ въ Москвѣ лѣтомъ 1812 года. Вотъ когда явились первые зачатки мистицизма и тѣхъ чувствъ, которыя привели къ идеѣ Священнаго союза. Мы особенно настаиваемъ на этомъ выводѣ, такъ какъ онъ намъ кажется [правильнымъ и логичнымъ]“.

Багратіонъ не одобрялъ отступленія: „хорошо ретироваться 100 верстъ, а не 500!“, писалъ онъ Аракчееву.

„Я Васъ попрошу непремѣнно наступать на непріятеля, а то

худо будетъ и отъ непріятели, и, можетъ быть, и дома; шутить не должно, и русскіе не должны бѣжать. Это хуже пруссаковъ мы стали...

„Пожалуйте Государя и Россію!.. наступайте, ради Бога, войска ободрятся; уже нѣсколько приказовъ дали, чтобы драться, а мы бѣжимъ!“

„Больно, грустно“, писалъ онъ по поводу оставленія непріятелю Смоленска, и вся армія въ отчаяніи. Самое важное напрасно бросили... клянусь вамъ моею честью, что Наполеонъ былъ въ такомъ *мышкѣ*, какъ никогда, и онъ бы могъ потерять половину арміи, но не взять Смоленска... это стыдно, и пятно для арміи нашей... Такимъ образомъ воевать не можно, и можемъ непріятели привести скоро въ Москву...

„Слухи носятъ, что вы думаете о мирѣ. Чтобы помириться, Боже сохрани, на сіе все же пожертвовали и послѣ такихъ сумасбродныхъ отступленій сдаться?! Вы поставите всю Россію противъ себя и всякій изъ насъ за стыдъ поставитъ мундиръ носить“.

„Итакъ, я пишу вамъ правду, готовьтесь ополченіемъ, ибо министръ самымъ мастерскимъ образомъ ведетъ въ столицу за собою гостя“... „Скажите, ради Бога, что намъ Россія, наша мать, скажетъ, что такъ страшимся, и за что такое доброе и усердное отечество отдается сволочамъ и вселяетъ въ каждаго подданнаго ненависть и посрамленіе?. Чего трусить и кого бояться?.. Охъ, грустно, больно, никогда мы такъ обижены и огорчены не были, какъ теперь... Я лучше пойду солдатомъ въ сумѣ воевать, нежели быть главнокомандующимъ и съ Барклаемъ“.

Сердечный вопль, вырвавшійся у Багратиона въ этихъ строкахъ, говоритъ краснорѣчиво о враждѣ, существовавшей между военачальниками. „Нелады между Барклаемъ и Багратиономъ дошли до высшихъ предѣловъ и дѣйствовали особенно пагубно на духъ нашихъ войскъ“. Пора была положить этому конецъ, передавъ командованіе въ другія руки.

Былъ назначенъ Кутузовъ. Это назначеніе „столь давно желанное и необходимое для сосредоточенія управленія войсками въ однѣхъ рукахъ“, „было большой заслугой Александра“, такъ какъ онъ „не любилъ Михаила Илларионовича, не забывъ ему Аустерлица, и мало уважалъ его какъ человѣка; тѣмъ не менѣе онъ сумѣлъ побороть нехорошія чувства, и въ этомъ заключается его главная заслуга“.

Послѣ взятія Москвы „чаша раздраженія русскаго Императора дошла до высшаго предѣла. Полковнику Мишо приказано было передать Кутузову и войскамъ, что борьба будетъ продолжаться съ новымъ ожесточеніемъ и безъ всякаго милосердія, пока хоть одинъ

французъ останется на русской землѣ. Тому же Мишо была сказана известная фраза: „Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать; я научился понимать его, онъ болѣе не обманетъ меня“.

„Письмо Бонапарта, что не онъ виноватъ въ сожженіи Москвы, осталось безъ отвѣта, а Бернадотту Александръ, между прочимъ, сообщивъ о паденіи Первопрестольной столицы и о письмѣ Наполеона, прибавилъ, говоря о письмѣ: „qu'elle ne contenait d'ailleurs que des fanfaronnades“.

Подъ вліяніемъ тревожныхъ и горестныхъ событій 1812 года отношеніе Императора Александра къ Наполеону совершенно измѣнилось; „истинной дружбы“ (amitié), какъ замѣчаетъ авторъ изслѣдованія, „между ними конечно никогда не было и быть не могло“, но все же Государь несомнѣнно находился одно время подъ обаяніемъ его гениальной личности; 1812 годъ нужно отмѣтить, какъ расцвѣтъ душевныхъ силъ Александра Павловича, когда онъ многое передумалъ и уяснилъ себѣ и вмѣсто колеблющагося, нерѣшительнаго, полного сомнѣній юноши явился сознательнымъ и твердымъ исполнителемъ строго продуманнаго имъ плана борьбы съ непріателемъ, вступившимъ въ предѣлы Россіи.

„Система, принятая Государемъ и княземъ Кутузовымъ, не отвѣчать болѣе на предложенія Наполеона и избѣгать излишнихъ столкновеній въ полѣ, дала вскорѣ благіе результаты“.

„6 (18) октября началось отступленіе великой арміи, и 9 (21) уже всѣ французы покинули Москву. Ихъ бѣдствія не замедлили проявиться. Скоро настали холода, зима обѣщала быть особенно суровой, пошли морозы, дороги испортились, русскія войска тревожили непріятеля со всѣхъ сторонъ, при чемъ болѣе остальныхъ отличались донскіе казаки и партизанскіе отряды“.

Тѣснимый отовсюду, Наполеонъ приближался къ берегамъ Березины съ окончательно разстроенной арміей или, лучше сказать, съ остатками недавно еще блестящаго полчища... Голодъ, болѣзни и морозы доконали непобѣдимыя войска, и въ концѣ ноября Россія очистилась отъ непрошенныхъ гостей.

„Если такой блестящій результатъ отнести къ славѣ русскаго оружія и генію русскаго народа, равно какъ и къ суровому климату Россіи, то главнымъ руководителемъ и организаторомъ состоявшагося погрома былъ Императоръ Александръ I, и эту крупную заслугу помнила Россія и всегда вспомнить съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія Благословеннаго Монарха“.

„Тридцатипятилѣтній Государь оправдалъ надежды своихъ подданныхъ, и это время было лучшимъ изъ всѣхъ годовъ его царствованія“.

Послѣ разгрома непріятельской арміи и удаленія ея изъ предѣловъ Россіи, въ душѣ Императора Александра зародилось новое желаніе, а именно: „окончательно сокрушить владычество Бонапарта, и при помощи не только русскаго, но и чужеземнаго оружія, покончить съ нимъ навсегда. Отнынѣ всѣ стремленія Александра были обращены къ намѣченной цѣли и были такими же упорными до конца освободительныхъ войнъ“.

Указавъ на то, что нѣкоторые изъ русскихъ, особенно старики Кутузовъ, Ростопчинъ и Шишковъ, не одобряли Государя за то, послѣ изгнанія непріятели изъ Россіи, онъ рѣшилъ продолжать борьбу съ цѣлью освободить Европу, авторъ присовокупляетъ: „намъ кажется, что они были правы, и съ точки зрѣнія интересовъ Россіи казалось выгоднѣе не вмѣшиваться въ дѣла Европы. Будущее показало весьма скоро, что такое мнѣніе имѣло свои основанія, и что Россіи послѣдующія войны привесли мало пользы, а скорѣе даже вредъ“, но онѣ дали, по крайней мѣрѣ вначалѣ, Государю большое нравственное удовлетвореніе, льстили его тщеславію, окружили ореоломъ славы и дали ему возможность проявить свое великодушіе.

Прежде всего оно было проявлено Государемъ по отношенію къ Польшѣ. Послѣ неудачи, постигшей Наполеона, Польша очутилась по отношенію къ Россіи въ крайне щекотливомъ положеніи; „какъ только въ Польшѣ увидѣли, что дѣло Наполеона проиграно, что всѣ надежды опять рухнули, уныніе смѣнило восторги, месть Россіи казалась естественной и невѣроятное волненіе овладѣвало всей страной“.

Князь Адамъ Чарторыжскій, находившійся въ это время въ Варшавѣ, начиная съ іюня 1812 года, не переставалъ писать Государю, „взывая къ чувствамъ великодушія къ его несчастной родинѣ—Польшѣ“, но не получалъ отвѣтовъ; только черезъ полгода, 13 января 1813 г. Александръ Павловичъ отвѣтилъ ему „замѣчательнымъ письмомъ, въ которомъ между прочимъ писалъ: „Мщеніе—чувство мнѣ незнакомое, самое отрадное для меня (*та plus douce jouissance*) платить за зло добромъ. Моимъ генераламъ отданы строжайшія приказанія дѣйствовать сообразно съ этимъ и относиться къ полякамъ, какъ къ друзьямъ и братьямъ.“

„Скажу вамъ вполнѣ откровенно: для осуществленія моихъ излюбленныхъ идей относительно Польши, мнѣ придется, невзирая на мое настоящее блестящее положеніе, преодолѣть нѣкоторыя трудности. Во-первыхъ, общественное мнѣніе въ Россіи; поведеніе у насъ польскаго войска, разграбленіе Смоленска, Москвы, разграбленіе всей страны воскресило старую ненависть! Во-вторыхъ, если

мои намѣренія относительно Польши станутъ извѣстны въ данный моментъ, то это всецѣло броситъ Австрію и Пруссію въ объятія Франціи, а этого весьма важно избѣжать, тѣмъ болѣе, что эти державы выказываютъ мнѣ уже наилучшее расположеніе“. Затѣмъ идетъ убѣдительное напоминаніе: „Не забудьте, что Литва, Подоля и Волынь считаютъ себя домынъ русскими областями, и что никакой логикой въ мірѣ нельзя убѣдить Россію помириться съ тѣмъ, чтобы онѣ очутились подъ главенствомъ иного государя, кромѣ монарха правящаго Россіей“.

„Слѣдовательно, польскій вопросъ былъ отложенъ, чтобы не тревожить Берлинскій и Вѣнскій кабинеты, но въ сущности онъ былъ уже предрѣшенъ, такъ какъ Александръ считалъ герцогство Варшавское собственностью Россіи, прибрѣтенною мечемъ и кровью“.

28 декабря 1812 года главныя силы направились къ Нѣману.

„Съ этого момента началось вполнѣ ненужное для русскихъ интересовъ освобожденіе Германіи отъ ига Наполеона“.

Въ февралѣ 1813 года наши войска уже дошли до береговъ Одера; главная квартира находилась въ Калишѣ, куда пріѣхалъ и князь Адамъ Чарторыжскій, „чтобы лично подчеркнуть свою преданность Александру и возобновить его любовныя чувства къ Польшѣ“.

Надежды на это, если судить по донесеніямъ австрійскаго посланника Лебцельтерна, было мало. Въ бесѣдѣ съ нимъ по поводу пріѣзда въ Калишъ князя Адама Чарторыжскаго, Императоръ Александръ высказался такъ:

— „Будьте покойны, ничто не заставитъ меня измѣнить ни моихъ взглядовъ, ни моего образа дѣйствій“.

— „Увидавъ князя Адама, я подумалъ, Ваше Величество,—сказалъ Лебцельтернъ,—что онъ пріѣхалъ съ цѣлью говорить съ В. В. о герцогствѣ“.

— „Я еще не говорилъ съ нимъ обстоятельно. Онъ говоритъ, что поляки успокоились и разочаровались въ императорѣ Наполеонѣ, что они хотѣли бы, чтобы это положеніе вещей прекратилось, но это ничего не означаетъ“.

— „Я полагаю, В. В., что Наполеонъ имъ надоѣлъ, но поляки вѣчно въ горячкѣ, и если у нихъ завтра появится хоть малѣйшая надежда, они примутся снова за старое“.

— „Я ихъ знаю, возразилъ Императоръ,—у нихъ въ головѣ постоянно ходитъ вѣтеръ, съ этимъ ничего не подѣлаешь. Я поэтому нарочно не поѣхалъ въ Варшаву“.

Какъ видимъ изъ этихъ словъ, у Императора и относительно поляковъ составился совершенно опредѣленный взглядъ.

Переговоры, происходившіе въ Калишѣ о составленіи коалиціи державъ для дальнѣйшей борьбы съ Наполеономъ, затянулись. Особенно много и долго колебался нерѣшительный Фридрихъ-Вильгельмъ, и Императору Александру пришлось лично и письменно увѣщевать его и увѣрять въ чистосердечіи своихъ намѣреній относительно Пруссіи; прусскій король предъявлялъ самыя невѣроятныя и неосуществимыя требованія, какъ, напримѣръ, о желаніи Пруссіи получить цѣликомъ все герцогство Варшавское. „На такого рода требованіе прусскій уполномоченный получилъ рѣзкій отказъ изъ устъ самого Императора Александра, сказавшаго ему, что если желаютъ приобрѣтеній, то пусть лучше отнимутъ что-либо у Саксоніи, показавшей излишнюю преданность Наполеону“.

Наконецъ, 16 февраля въ Калишѣ былъ подписанъ союзный договоръ.

Въ подписанныхъ условіяхъ, скрѣпленныхъ подписями князя Кутузова и Гарденберга, обращаютъ вниманіе слѣдующія строки:

„Веда свои побѣдоносныя войска за предѣлы Россіи, первое побужденіе Е. В. Императора всея Россіи было приобщить къ славному дѣлу, которому Провидѣніе такъ явно покровительствовало, своихъ давнихъ и самыхъ любовныхъ союзниковъ, дабы осуществить съ ними судьбы, отъ коихъ зависитъ спокойствіе и счастье народовъ, изнуренныхъ столькими потрясеніями и жертвами. Настанетъ время, когда договоры будутъ не временными, когда ихъ снова можно будетъ соблюдать съ той благочестивой вѣрой, съ той святой ненарушимостью, отъ коихъ зависятъ почетъ, мощь и цѣлость державъ“.

„Тутъ впервые мы встрѣчаемъ такое опредѣленное воззваніе къ Провидѣнію и Божьему Промыслу въ официальномъ документѣ, но съ этихъ поръ такого рода порядокъ сталъ приобрѣтать право гражданства и былъ основаніемъ новыхъ политическихъ вѣяній, сложившихся въ умѣ Александра I и затмившихъ у него вскорѣ чувства къ собственной его родинѣ—къ Россіи, съ которой онъ только-что успѣлъ сродниться въ годину Отечественной войны“.

Авторъ особенно подчеркиваетъ то обстоятельство, что, когда, послѣ кровопролитнаго сраженія подъ Люценомъ, которое было проиграно имъ, Наполеонъ намѣревался послать Коленкура къ Императору Александру и вступить съ нимъ въ переговоры помимо Австріи, то Александръ „не пожелалъ видѣть посланнаго, Коленкуръ не былъ допущенъ, и ему было передано, что Александръ не желаетъ вести какихъ-либо разговоровъ отдѣльно отъ Австріи. Другими словами, восторжествовала опять идея коалиціи, но не прямыя интересы Россіи“.

Въ теченіе іюня и іюля 1813 г., когда велись нескончаемые споры и переговоры между уполномоченными союзниковъ сперва въ Рейзенбахѣ, а потомъ въ Прагѣ, Государь много работалъ, находя время входить во всѣ мелочи политики и военныхъ комбинацій и ведя обширную переписку съ матерью, супругою, сестрой Екатериной и княземъ А. Н. Голицынымъ. Но, несмотря на всѣ старанія, многое ускользало отъ вниманія Александра, и часто тщеславіе затемняло лучшіе порывы сердца и ума. Къ этому прибавилось еще душевное настроеніе, увлекавшее Государя все больше и больше на пути угадыванія завѣтовъ Провидѣнія и приведшее скоро къ непонятному мистицизму. Изъ переписки съ Великой Княгиней Екатериной Павловной видно, что это настроеніе постоянно росло“.

Особенно наглядно оно рисуется въ письмахъ Государя къ князю А. Н. Голицыну. 16 марта, изъ Калиша, Государь писалъ ему:

„Вы видѣли изъ моего письма, писаннаго послѣ причастія, что мои мысли обратились къ Вамъ и что я испыталъ искреннюю потребность выразить вамъ то душевное волненіе, съ какимъ я совершилъ этотъ разъ сію священную обязанность. Письмо Ваше отъ того же числа доставило мнѣ живѣйшее удовольствіе. Мѣсто, выписанное Вами для меня, весьма тронуло меня; я скажу вамъ, что со времени отъѣзда изъ Петербурга не проходитъ дня, чтобы я не читалъ священнаго писанія. Чтеніе это все болѣе и болѣе захватываетъ меня“.

17 апрѣля, послѣ вѣзда въ Дрезденъ на Св. Пасху, Александръ писалъ тому же князю Голицыну:

„Въ субботу, 12-го послѣ обѣдни, слѣдовательно, послѣ *Воскрески Божь*, мы вступили въ Дрезденъ, а въ полночь мы проѣли на берегахъ Эльбы *Христосъ Воскресе!* Трудно передать вамъ волненіе, охватившее меня при воспоминаніи обо всемъ происшедшемъ за этотъ годъ и о томъ, куда насъ вело Божественное Провидѣніе!“...

„Вотъ живые слѣды того возвышеннаго настроенія, въ которомъ пребывалъ человѣкъ, стоявшій во главѣ коалиціи для освобожденія Европы отъ ига того, кого Государь часто называлъ „*ce diable d'homme...*“

„Вѣра въ Провидѣніе и въ Божій Промыселъ все больше росла и укрѣплялась въ душѣ Александра Павловича“.

„Передъ вступленіемъ во Францію, Александръ вспомнилъ своего бывшаго наставника Лагарпа и излилъ въ письмѣ къ нему то, что происходило въ его душѣ“.

„Позвольте сказать вамъ, писалъ Государь, что, если, совершая дѣло, указанное Провидѣніемъ, та настойчивость и энергія, которыя

я имѣлъ случай выказать послѣдніе два года, были полезны для дѣла независимости Европы, то я этимъ обязанъ вамъ и вашимъ наставленіямъ. Память о васъ въ трудныя минуты была всегда жива во мнѣ, и желаніе быть достойнымъ вашихъ заботъ и заслужить ваше уваженіе поддерживало меня. Съ береговъ Москвы-рѣки мы пришли на берега Рейна, который мы перейдемъ на-дняхъ. Такъ близко отъ васъ, я утѣшаю себя отрадной мыслию, что я смогу обнять васъ и подтвердить вамъ изустно признательность, которую я буду питать къ вамъ до гроба. Это будетъ однимъ изъ счастливейшихъ дней моей жизни“.

Передъ тѣмъ, какъ вступить въ предѣлы Франціи, передъ союзными монархами всталъ вопросъ о томъ, кого поставить во главѣ новаго правительства во Франціи. Вокругъ этого вопроса поднялся цѣлый вихрь интригъ. Мысль объ учрежденіи регентства Маріи-Луизы, за которую ухватился Наполеонъ и которой, разумѣется, сочувствовала Австрія, не встрѣтила сочувствія Императора Александра, но онъ ничего не предрѣшалъ. Союзники подозрѣвали русскаго Императора въ симпатіяхъ къ Бернадотту.

„Несмотря на доводы различныхъ историковъ, доказывающихъ серьезность этихъ симпатій со стороны Александра, мы склонны думать, говоритъ авторъ изслѣдованія, что врядъ ли у Государя былъ какой-либо созрѣвшій взглядъ, кого именно возвести на французскій престолъ“; что касается Бурбоновъ—онъ имъ рѣшительно не симпатизировалъ.

Конгрессъ въ Шатильонѣ, на которомъ обсуждался вопросъ о замѣстителѣ Наполеона, ознаменовался всевозможными интригами: „то былъ раздѣлъ добычи между коршунами, пока жертва еще пребывала въ предсмертныхъ судорогахъ. Не даромъ повторялась на всѣ лады фраза Талейрана, что „это начало конца“, а Меттернихъ всѣмъ и каждому говорилъ, что не стоитъ жертвовать Наполеономъ, чтобы въ угоду Императору Александру замѣнить его Бернадоттомъ“.

Императоръ Александръ не поддавался такого рода интригамъ, желая предоставить выборъ главы правительства самимъ французамъ.

Прибывшій на конгрессъ англичанинъ Касльри доносилъ своему правительству:

„По моему мнѣнію, въ настоящее время намъ всего опаснѣе рыцарское настроеніе Императора Александра. Въ отношеніи къ Парижу его личные взгляды не сходятся ни съ политическими, ни съ военными соображеніями. Русскій Императоръ, кажется, только ищетъ случая вступить во главѣ своей блестящей арміи въ Парижъ, по всей вѣроятности, для того, чтобы противопоставить свое великодушіе опустошенію собственной его столицы“.

„Князь А. Н. Голицынъ сказывалъ, что во время послѣднихъ совѣщаній передъ занятіемъ Парижа Александръ Павловичъ ему говорилъ о тѣхъ чувствахъ, которыя имъ овладѣли въ эту минуту.

„Въ глубинѣ моего сердца затаилось какое-то смутное и неясное чувство ожиданія, говорилъ Императоръ, какое-то непреоборимое желаніе передать это дѣло въ полную волю Божию. Совѣтъ продолжалъ заниматься, а я на время оставилъ засѣданіе и поспѣшилъ въ собственную комнату; тамъ колѣни мои подогнулись сами собою, и я излилъ передъ Господомъ все мое сердце“. Послѣ этого Александръ вернулся въ засѣданіе и объявилъ о намѣреніи идти немедленно на Парижъ!

19 марта совершился знаменательный въѣздъ въ столицу Франціи.

„Фигура освободителя Европы привлекла вниманіе парижанъ, и восторги смѣнялись оваціями толпы, взоры которой обращались къ привлекательному образу русскаго Государя. Александръ сіялъ на своемъ сѣромъ конѣ (когда-то подаренномъ ему Наполеономъ), въ ореолѣ блеска и славы.

„Выраженіе его лица и особенно глазъ показывало то настроеніе, въ коемъ онъ пребывалъ, озаренный лучами Божественнаго Провидѣнія и завершения его завѣтной мечты“.

Онъ былъ, дѣйствительно, великолѣпенъ и по простотѣ формы одежды, въ вицъ-мундирѣ кавалергардскаго полка, и по той величавой осанкѣ, которая ему была всегда присуща“.

Когда домогательства Наполеона относительно учрежденія регентства были окончательно отвергнуты, и Талейраномъ, при содѣйствіи сената, была ловко инсценирована комедія возвращенія во Францію Бурбоновъ, въ лицѣ Людовика XVIII, на что Александръ Павловичъ далъ свое согласіе, несмотря на свою глубокую антипатію къ нимъ“, онъ „потребовалъ посланныхъ Наполеона къ себѣ и объявилъ имъ, что „павшій владыка Франціи остается его другомъ въ несчастіи, что ему будетъ предоставленъ островъ Эльба, какъ мѣсто жительства, и что Наполеонъ можетъ разсчитывать на слово русскаго Императора“.

Былъ ли доволенъ первыми результатами отреченія Наполеона владыка земли русской? Намъ кажется, говоритъ авторъ изслѣдованія, что его волновали самыя разнообразныя чувства.

„Не вѣрится, чтобы послѣ удовлетвореннаго самолюбія и паденія соперника у Александра оставалось еще чувство злобы къ Наполеону. Какъ то часто бываетъ вообще съ людьми, послѣ нравственнаго успѣха, а особенно послѣ гибели противника, является что-то въ родѣ сожалѣнія или состраданія къ судьбѣ побѣжденнаго. Такое

чувство долженъ былъ испытывать Александръ, а къ этому примѣшалось великодушіе побѣдителя.

„Кромѣ того, русскій Государь только-что исполнилъ обрядъ христіанина и говѣлъ на страстной недѣлѣ великаго поста.

„Слѣдовательно, большинство разговоровъ происходило именно во время говѣнія. Князь А. Н. Голицынъ свидѣтельствуешь, что настроеніе Александра въ ту пору было самое возвышенное.

„Александръ Павловичъ ему передавалъ при первой ихъ встрѣчѣ послѣ Парижа, что „...я и здѣсь повторяю то же, что, если кого Милующій Промыселъ начнетъ миловать, тогда бываетъ безмѣренъ въ Божественной своей изобрѣтательности. И вотъ, въ самомъ началѣ моего говѣнія добровольное отреченіе Наполеона, какъ будто нарочно, поспѣшило въ радостномъ для меня благовѣстіи, чтобы совершенно уже успокоить меня и доставить мнѣ всѣ средства начать и продолжать мое хожденіе въ церковь“.

„Начало говѣнія, т. е. 23 марта (4 апрѣля), понедѣльникъ Страстной недѣли, совпало со днемъ измѣны Мармона и съ отреченіемъ Наполеона.

Встрѣча Александра Павловича съ королемъ Людовикомъ XVIII произвела на него „отталкивающее впечатлѣніе“, и послѣ этого онъ „старался показать еще бѣльшее вниманіе всѣмъ тѣмъ, кто былъ связанъ семейными узами съ павшимъ императоромъ“.

„Несмотря на всѣ протесты многихъ изъ союзниковъ онъ настоялъ, чтобы островъ Эльба былъ предоставленъ во владѣніе Наполеона, и командировалъ своего генераль-адъютанта графа П. А. Шувалова, чтобы сопровождать его при проѣздѣ черезъ Францію“.

Изъ Парижа, послѣ кратковременнаго посѣщенія Англій, Императоръ возвратился въ Петербургъ со смутнымъ чувствомъ какого-то „недовольства собой и окружающими“. Въ немъ начался „періодъ броженія и внутренней борьбы“.

Лучшимъ свидѣтельствомъ настроенія Императора въ это время служить показаніе князя А. Н. Голицына.

Вотъ что онъ говоритъ: „Наконецъ, Государь возвратился къ намъ въ Петербургъ. Я уже давно летѣлъ въ мысляхъ своихъ къ нему навстрѣчу; чаянія и ожиданія мои были велики. Я не ошибся въ нихъ!

... Онъ весь былъ проникнутъ смиреніемъ и самоотверженіемъ; въ пылу неумолкающихъ плесковъ народныхъ, онъ все воздавалъ Господу силъ и Ему только одному усваивалъ побѣду. Любовьность его, столь ему всегда свойственная, взяла характеръ какого-то типичнаго равнодушія, изъ глубины, однако жъ, котораго выказывалась воля энергичная, воля всепоборающая...“

Таково было душевное состояніе того, передъ кѣмъ все преклонялось въ ту пору, какъ передъ освободителемъ Европы.

При заключеніи мирнаго договора въ Парижѣ, не было ни слова сказано о судьбѣ Польши, между тѣмъ этотъ вопросъ болѣе всего занималъ Государя.

Еще въ Парижѣ, князь Адамъ Чарторыжскій, прибывшій туда въ свитѣ Императора, всячески старался поддержать въ Императорѣ прежнія чувства къ Польшѣ и, видя благосклонное отношеніе Александра къ Костюшкѣ и къ представителямъ польскихъ войскъ, которыя были обласканы Государемъ, онъ вѣрилъ, что Александръ не измѣнилъ своего взгляда на польскій вопросъ.

И дѣйствительно, „когда Е. В. отправился на Вѣнскій конгрессъ, то рѣшилъ заѣхать на пути въ имѣніе князей Чарторыжскихъ— Пулавы, чтобы этимъ показать незыблемое расположеніе свое къ полякамъ, несмотря на ихъ враждебную роль въ минувшую Отечественную войну“.

На Вѣнскомъ конгрессѣ вопросъ о судьбѣ Польши повлекъ къ нескончаемымъ преніямъ. „Самое трудное было Александру столкнуться съ своимъ союзникомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, несмотря на всѣ взаимныя любовныя изліянія, выразившіяся въ ихъ перепискѣ и личныхъ разговорахъ. Вождедѣнія Пруссіи не ограничивались только желаніемъ пріобрѣсти Саксонію, но и часть польскихъ земель на Вислѣ“.

„Неоднократно переговоры принимали такой острый характеръ, что можно было опасаться разрыва и прекращенія преній, но неожиданная высадка Наполеона на югъ Франціи, 23 февраля (7 марта) 1810 г. повліяла благотворно, и соглашеніе все-таки было достигнуто. Въ главныхъ чертахъ, то, чего такъ настойчиво добивался русскій Государь, было достигнуто: Россія навсегда присоединила герцогство Варшавское“.

„Идея Александра Павловича возсоздать подъ своимъ скипетромъ польское королевство, съ особой конституціей, не встрѣчала никакого сочувствія не только въ средѣ русскихъ людей, но даже и чужеземцевъ“. „Знаменательно и то, что графъ Нессельроде, а также В. С. Ланской изъ Варшавы, умоляли Государя не создавать этой роковой ошибки“.

„Александръ остался глухъ ко всѣмъ увѣщаніямъ и шелъ къ намѣченной цѣли твердо и опредѣленно. Въ этомъ вопросѣ у него проявилось какое-то рыцарское чувство къ другу дѣтства и юности, князю Чарторыжскому, и вообще къ полякамъ, которымъ онъ не переставалъ вѣрить; онъ надѣялся на полное ихъ сліяніе съ русскими при умѣломъ и самостоятельномъ управленіи Польшей“.

„Нѣсколько дней, проведенныхъ въ лонѣ семьи Чарторыжскихъ, наканунѣ конгресса, были не только актомъ вѣжливости, но, очевидно, имѣли и политическій характеръ. Это прекрасно поняли наши сосѣди, австрійцы и пруссаки, и приготовились къ ходамъ борьбы относительно судьбы Польши въ Вѣнѣ“.

Относительно Польши Императоръ преслѣдовалъ двѣ цѣли:

1) Соединить всю Польшу, до раздѣловъ ея, въ однѣхъ рукахъ, подъ державной властью Россіи. Этого достигнуть не удалось.

2) Чтобы вездѣ поляки могли свободно пользоваться своими гражданскими правами. И это пожеланіе не получило въ дѣйствительности полного примѣненія и осталось скорѣе несбыточной мечтой.

„У Государя сложился зрѣлый планъ образа дѣйствій въ новомъ королевствѣ, планъ, основанный на ложныхъ утопіяхъ. Императоръ продолжалъ смотрѣть глазами либерализма и на Финляндію и на Польшу; то, что не было ему угодно вводить въ Россію, казалось естественнымъ испытать на ближайшихъ окраинахъ“. „Несмотря на совершившійся вскорѣ послѣ Вѣнскаго конгресса переломъ въ характерѣ Александра, онъ продолжалъ относиться съ уваженіемъ къ конституціоннымъ началамъ, введеннымъ въ Финляндію и Польшу, и даже, когда въ послѣднія времена жизни реакція свирѣпствовала на Руси, обѣихъ окраинъ не трогали и почти не стѣсняли. Государь провозносилъ неоднократно рѣчи въ Варшавѣ при открытіяхъ сейма, подготовлялъ и обдумывалъ заблаговременно эти рѣчи и, видимо, симпатизировалъ такому порядку. Эта подготовка его вовсе не утомляла, а, напротивъ того, развлекала, и онъ со вниманіемъ относился ко всему, что касалось Польши и Финляндіи.“

„Такой складъ ума, очевидно, смущалъ современниковъ, затруднялъ работу его сотрудниковъ, но приходилось всѣмъ примѣняться къ характеру Государя. Все всегда принимая открыто на свою отвѣтственность въ дѣлахъ польскихъ и финляндскихъ и представляя исключительно себѣ инициативу дѣйствій, когда вопросъ касался русскихъ дѣлъ, наоборотъ, Государь какъ бы старался прикрыть себя другими лицами“.

На Вѣнскомъ конгрессѣ работами русскихъ уполномоченныхъ руководилъ самъ Государь, который „находилъ время, при безконечныхъ празднествахъ, бесѣдовать равно и со своими сотрудниками, и съ иностранцами ... и надо отдать должное работоспособности Монарха, постоянно отвлекаемаго отъ занятій то родственниками, какъ русскими (въ Вѣнѣ находились: Императрица Елисавета, Цесаревичъ Константинъ, Великія Княгини Марія и Екатерина Павловны), такъ и иностранцами, то устраиваемыми развлечениями.“

„Послѣ высадки Наполеона на югѣ Франціи и торжественнаго шествія его до Парижа, Вѣнскій конгрессъ самъ собой распался, страхъ передъ Бонапартомъ затмилъ всѣ прочія чувства и прекратилъ недоразумѣнія и распри. Надо было прежде всего сокрушить окончательно общаго врага. Упреки многихъ, съ княземъ Меттернихомъ во главѣ, посыпались на Императора Александра, считая его виновникомъ возможности бѣгства Наполеона съ острова Эльбы, такъ какъ это мѣсто жительства было избрано только благодаря великодушію Александра Павловича, но обстоятельства сложились такъ, что было не до упрековъ, а надобна была заручка, что Россія снова станетъ во главѣ коалиціи“. Былъ снова возобновленъ договоръ между Россіей, Пруссіей, Австріей и Англіей.

Наполеоновская драма „закончилась на поляхъ Ватерло побѣдой армій Веллингтона и Блюхера. Снова всѣ иностранцы поспѣшили въ Парижъ рѣшать дальнѣйшую судьбу Наполеона и Франціи.

„Императоръ Александръ, покинувъ Вѣну, прибылъ 23 мая въ Гейльброннъ, гдѣ рѣшилъ дожидаться прибытія русскихъ войскъ. Здѣсь произошло знаменитое свиданіе съ баронессой Крюденеръ, послѣ котораго въ характерѣ Александра Павловича сталъ замѣтенъ новый переломъ“.

„Князь Голицынъ, передавая въ своихъ разсказахъ объ этой встрѣчѣ, говоритъ:

„Многія причины располагали Государя съ нетерпѣливымъ удовольствіемъ встрѣтить Крюденершу. Съ одной стороны, собственное настроеніе сердца царева къ ощущеніямъ религіознымъ и твердое самопреданіе въ волю Божію; съ другой—увидѣть женщину, носившую, такъ сказать, въ себѣ живое слово Божіе, проходящую по юнымъ и невѣжественнымъ поколѣніямъ Европы какъ бы съ званіемъ какого-то апостола, увидѣть такую женщину, которую и предупреждала и сопровождала молва народная; наконецъ, знать, что сія женщина есть и русская подданная,—все это, можетъ быть, заставило Государя нетерпѣливо пожелать свиданія съ Крюденершею“.

Къ личности баронессы Крюденеръ авторъ изслѣдованія относится весьма критически и высказывается такъ:

„Мы не высоко цѣнимъ достоинства этой особы, говоритъ онъ, а ея убѣжденность болѣе, чѣмъ сомнительны. Побужденія мнимовосторженной баронессы стояли на болѣе реальной почвѣ. Она была стѣснена недостаткомъ денежныхъ средствъ и всегда, во всемъ, испытывала нужду. Кромѣ чувствъ тщеславія, случая сыграть видную роль, дѣйствовала и алчность. Вѣдь и въ наше время встрѣчаются личности, проникнутыя чувствомъ особой набожности, не

рѣдко скрывая подъ этой завѣсой совсѣмъ другія побужденія. Такъ было и съ лифляндской баронессою. Не даромъ выдала она свою дочь, Юлію, за барона Беркгеймъ, братъ котораго былъ министромъ въ Карлсруэ и близокъ къ Баденской велико-герцогской семьѣ, и не даромъ этотъ Беркгеймъ перешелъ на русскую службу. Въ записочкахъ Императора Александра къ князю Голицыну постоянно встрѣчаются анонимныя денежныя вспомошествованія; они разсыпались щедрою рукой и на г-жу Крюденеръ, и на ея родню. Слезливая проповѣдница имѣла способность говорить увлекательно, страстно, съ какой-то жестокой откровенностью, но все это было рассчитано и прикрито вѣжливой формою въ изысканной манерѣ самой рѣчи.

Въ началѣ своего желаннаго знакомства, т. е. въ Гейдельбергѣ и въ Парижѣ (1815 г.), она, дѣйствительно, обворожила Императора, произвела на него необходимый ей эффектъ, такъ что впечатлительный Александръ оказался подъ ея вліяніемъ и еще больше углубился въ религіозное чтеніе и въ анализъ собственной тревожной души. Но такое исключительное вліяніе продолжалось очень недолго, всего годъ не болѣе“.

28 іюня Императоръ вѣхалъ въ Парижъ.

„Настроеніе Государя, во время вторичнаго пребыванія на берегахъ Сены, было крайне нервное, а временами и унылое. Ему были противны вернувшіеся Бурбоны; онъ ихъ презиралъ глубоко; успѣхи и лавры Веллингтона также были ему непріятны; фигура Талейрана опротивѣла болѣе, чѣмъ когда-либо; огорчали денежныя претензіи пруссаковъ и намѣреніе ихъ и англичанъ обездолить французскіе музеи въ пользу собственныхъ; наконецъ, ежедневныя посѣщенія госпожи Крюденеръ едва-ли вліяли успокоительно, даже при усиленномъ чтеніи Библии на дому, въ минуту отдохновенія“.

Александръ Павловичъ пробылъ въ Парижѣ почти три мѣсяца; „чего только не пришлось ему видѣть и испытать за это время!“

„Сперва вернувшійся король Людовикъ XVIII управлялъ при сотрудиществѣ такихъ людей, какъ Фуше и Талейранъ, думая угодить извѣстнымъ слоямъ общества; потомъ пошла расправа съ людьми, наиболѣе замѣшанными при возвращеніи Бонапарта: судили и казнили маршала Нея и полковника Лабедоера, другихъ осуждали и заочно, третьихъ подвергли ссылкѣ, словомъ, свирѣпствовалъ такъ называемый бѣлый терроръ, при безмолвіи иностранныхъ пришельцевъ и даже русскаго самодержца. 29 августа (10 сентября) произошелъ знаменитый смотръ войскамъ у лагеря при Вертю, закончившійся тостомъ Александра на большомъ обѣдѣ за миръ Европы и благоденствіе народовъ.“

„Наконецъ, 14 (26) сентября былъ заключенъ Священный Союзъ между тремя монархами: Россіи, Пруссіи и Австріи; къ нимъ примкнула Англія“.

„Многіе историки приписали г-жѣ Крюденеръ возрожденіе идеи Священнаго Союза, другіе—вліянію на русскаго Государя Меттерниха. Мы же убѣждены, говоритъ авторъ изслѣдованія, что эта идея—плодъ долгой работы и воображенія, всецѣло принадлежитъ лично Императору Александру. Но тотъ фактъ, что могло произойти недоразумѣніе между историками на этой почвѣ, вполне возможенъ. Пока Александръ еще только соображалъ и намѣчалъ себѣ общую программу такого религіознаго союза, онъ имѣлъ частое общеніе сперва съ Меттернихомъ, на конгрессѣ въ Вѣнѣ, а потомъ, въ 1815 году, въ Парижѣ проводилъ почти всѣ вечера у баронессы Крюденеръ. Поэтому, весьма легко предположить, что идея Священнаго Союза была внушена ему кѣмъ-либо изъ названныхъ лицъ. Но не надо забывать, что всѣ подробности акта новаго союза были набросаны лично Государемъ на бумагѣ, и что онъ читалъ вслухъ свое произведеніе баронессѣ за нѣсколько дней до отъѣзда изъ Парижа. Это чтеніе могло дать поводъ къ догадкѣ, что г-жа Крюденеръ или продиктовала Государю, или дала мысль объ идеѣ союза“.

„Два свидѣтельства въ пользу нашего предположенія заслуживаютъ вниманія; одно исходитъ отъ короля прусскаго, Фридриха-Вильгельма, неоднократно повторявшаго фразу, относящуюся до обожаемаго имъ союзника: „Si le Bon Dieu bénit nos projets, nous pourrons un jour dans l'avenir glorifier le Seigneur devant tout l'univers“¹⁾; другое идетъ отъ обычнаго спутника баронессы Крюденеръ, швейцарца Эмпейтавъ: „qu'il était intéressant de voir cet homme (Alexandre), entouré de tant de gloire, de toutes les grandeurs du trône, chercher avec nous ainsi la force et le secours de l'Eternel“²⁾.

Эти „силу и помощь Превѣчнаго Бога“ именно и искалъ Александръ для своего вдохновенія.

„Кромѣ того, всѣ послѣдующія мѣропріятія свидѣлствуютъ о непреклонной волѣ Государя провести въ жизнь свою излюбленную идею о религіозномъ союзѣ. Такъ, 25 декабря 1815 г., былъ обнару-

¹⁾ Ежели Господь благословитъ наши намѣренія, то настанетъ день, когда мы прославимъ Господа передъ лицомъ всего міра.

Было интересно видѣть этого человѣка (Александра), осѣненнаго такой славой и всѣмъ величіемъ престола, искавшаго съ нами силу и помощь „Превѣчнаго Бога“.

дованъ манифестъ, подтверждавшій созданіе Священнаго Союза, и было отдано повелѣніе прочесть этотъ актъ во всѣхъ православныхъ церквахъ“.

„Намъ кажется вполне естественнымъ, что развивавшійся въ душѣ Александра мистицизмъ, начиная съ години Отечественной войны, довелъ его до созданія Священнаго Союза, а потому нечего искать постороннихъ вдохновителей ни въ лицѣ г-жи Крюденеръ, ни въ князѣ Меттернихѣ, или вообще въ комъ-либо другомъ. Вѣдь, право, нельзя же отнять у Александра I инициативы и силы воли, которыя онъ проявлялъ такъ часто во многихъ случаяхъ своего бурнаго царствованія. Если кто имѣлъ на него постоянное вліяніе, то, несомнѣнно, этими лицами были князь А. Н. Голицынъ и Р. А. Кошелевъ, но современники (или весьма немногіе изъ нихъ) и историки этой эпохи едва-ли знали о перепискѣ его съ княземъ Голицынымъ и не подозрѣвали о корреспонденціи съ Кошелевымъ. Что же касается до переписки Государя съ баронессой Крюденеръ, то о ней знали и въ Россіи, и въ Европѣ, благодаря ей самой, такъ какъ это служило для нея рекламой“.

В. Т.

